

**«ЧЕРНЫЕ КАССЫ» КОЛХОЗОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ
И БОРЬБА С НИМИ В СЕРЕДИНЕ 1940-Х – НАЧАЛЕ 1950-Х ГГ.**

«Черные кассы» колхозов в середине 1940-х – начале 1950-х гг. явились одной из составляющих активного социального иммунитета деревни, направленного на приспособление к аграрной политике государства. Отчасти компенсируя жесткость налоговой политики, товарный дефицит, издержки денежного обращения и государственной торговли, они повышали устойчивость колхозной экономики, замедляли раскрестьянивание и социальную дифференциацию, хотя, с другой стороны, стимулировали обособление слоя управленцев с неуставными финансовыми полномочиями.

Ключевые слова: колхозы, крестьянство, повинности, неформальная экономика, адаптационные формы поведения.

Период до середины 1950-х гг. оценивается в историографии как время максимального изъятия ресурсов российской деревни. В литературе по проблемам налогово-податной и повинностной политики и сопротивления ей крестьянства в эти годы основное внимание уделяется повинностям личных подворий и усилиям их владельцев по хозяйственному выживанию: способам уклонения от натуральных и денежных налогов, минимизации участия в общественных работах, увеличению размеров приусадебных участков и т.д. (см.: [1; 2; 5; 12; 13; 14]; и др.). Но государство претендовало не только на ресурсы подворий. Их главным источником считались колхозы, обязанные поставлять и продавать по символическим ценам большую часть произведенного, уплачивать земельную ренту, страховые платежи, займы, подоходный налог, ставки которого в течение 1940-х – начале 1950-х гг. трижды повышались².

Важным условием, обеспечивающим реализацию высокого налогообложения колхозов, выступали безналичные расчеты. Расширение их сферы провозглашалась залогом повседневного контроля и успешного функционирования плановой экономики [3, с. 216–219; 8, с. 196–

¹ Кометчиков Игорь Вячеславович, кандидат исторических наук, Калужский государственный университет, kometchikov.igor@mail.ru, Россия, г. Калуга.

² В 1941 г. ставки подоходного налога с колхозов увеличились с 3–4 % до 4–8 %, в 1948 г. – до 6–13 %, в 1951 г. – до 9–15 % [6, с. 51, 61–62, 67, 69].

198]. Колхозный сектор был той ее частью, где в значительных количествах циркулировали наличные деньги, и показатель их мобилизации входил в число основных индикаторов денежного обращения в отчетности Госбанка СССР. Финансовое обслуживание колхозов велось Госбанком и Сельхозбанком по принципам, сложившимся еще в 1930-е гг. [3, с. 134–136]. Выдачи наличных средств со счетов производились по требованию, подписанному председателем и счетоводом. По вкладу на текущем счету банк начислял 3,5% годовых, хранение же наличных в колхозной кассе разрешалось в «минимальной сумме». Снятие средств со счета капиталовложений должно было производиться в соответствии с производственным планом и приходно-расходной сметой, предварительно утвержденным общим собранием, а их заимствование на текущие нужды допускалось по решению общего собрания только при условии их возврата [7, с. 431; 9, с. 220–221].

Неудивительно, что колхозы, как и крестьянские подворья, страдавшие из-за податного пресса и воспринимавшиеся государством в качестве источника «свободных» наличных денег, пытались нащупать более справедливый, с их точки зрения, баланс собственных интересов и притязаний власти. Одной из способов этого можно считать «черные кассы» колхозов, как в официальной документации назывались расчеты в наличных, минуя текущий счет в отделении Госбанка (или сберегательной кассе) и счет капиталовложений в отделении Сельхозбанка³.

Сведения о масштабах, динамике, функционировании, экономической и социальной значимости «черных касс» для деревни, борьбе с ними государства содержатся в делопроизводственной и статистической документации Государственного банка СССР, Сельскохозяйственного банка СССР, ЦСУ СССР, Совета по делам колхозов при Совете Министров (СМ) СССР, местных партийных, советских, финансовых органов и колхозов. В настоящей статье «черные кассы» анализируются на материале села Центрального Нечерноземья.

Государство после войны озаботилось упорядочением колхозных финансов и обеспечением притока денежных средств на счета колхозов, о чем упоминалось в постановлении СМ СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» и постановлении СМ СССР от 2 августа 1947 г. «О грубых извращениях в работе Сельскохозяйственного банка» [4, с. 212–216; 10, с. 55–61]. Однако сделать это долгое время не удавалось из-за слабого развития на селе сети банковских учреждений, ведущих инкассацию, недостаточной координации их усилий и действий местных органов сельского хозяйства и финансов,

³ Следует отметить, что «черные кассы» были распространены не только в колхозной экономике, но и в потребительской кооперации, торговле.

которые стремились переложить эту работу друг на друга, загруженности банковских работников заданиями райкомов ВКП(б) и райисполкомов, не связанными с их должностными обязанностями. Внутриколхозными факторами наличия «черных касс» являлись нехватка и низкая квалификация счетоводов и бухгалтеров, особенно во второй половине 1940-х гг., постоянная задолженность колхозов по судам, малая величина доходов и дробность их поступления, стремление уклониться от налогов и понизить издержки, возникавшие при безналичных расчетах.

Наибольший объем «черных касс» колхозов Центрального Нечерноземья отмечается в середине 1940-х гг., когда он, как видно, отражал разросшийся за годы войны стихийный рынок и допускался финансовой политикой государства до денежной реформы 1947 г. В это время значительная часть поступлений на счета колхозов совершалась в безналичной форме (от учреждений и организаций), и лишь малая часть — наличными⁴. В 1946 г. разница между приходом на текущие счета и счета капиталовложений и общей суммой денежных доходов колхозов Московской области составляла 280 млн руб. (43,7 % денежных доходов за год), Орловской — 41,9 млн руб. (45 %), Рязанской — 116,9 млн (58,6 %), Смоленской — 58,9 млн (41,8 %), Тульской — 58,0 млн руб. (44,7 %). В 1947 г. она колебалась от 13,5 % денежных доходов в Ярославской области до 53,2 % в Калужской, составив суммарно по колхозам Центрального Нечерноземья более миллиарда рублей (31,6 % их денежных доходов). В последующие годы по мере расширения сети банковских учреждений и сберегательных касс, активизации инкассации, укрупнения колхозов, селекции властью кадров колхозного руководства и роста их квалификации, повышения закупочных цен в 1953 г., вызвавшего перенаправление части продукции колхозного производства с колхозного рынка в государственные и кооперативные заготовительные организации, объем «черной» наличности волнообразно сокращается. В 1951 г. «черная касса» составляла от 2 до 40 % денежных доходов колхозов (суммарно — 376,3 млн руб. — 15,9 % денежных доходов), в 1952 г. — от 9,9 до 37,5 % (512,9 млн руб. — 19,7 %), в 1953 г. — от 3,4 до 40 % (393,7 млн руб.)⁵. Таким образом, за 1946—1953 гг. размер «черных касс» уменьшился более чем в два раза.

Даже уменьшаясь, «черные кассы» выполняли важные функции по экономической стабилизации общественного хозяйства и подворий

⁴ РГАЭ. Ф. 7480. Оп. 4. Д. 242. Л. 35, 53, 82, 92.

⁵ Рассчитано: Там же. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1782. Л. 5; Д. 2178. Л. 5; Д. 4056. Л. 16; Д. 4636. Л. 14; Д. 5091а. Л. 17; Ф. 2324. Оп. 26. Д. 491. Л. 3; Оп. 27. Д. 75. Л. 3; Д. 301. Л. 3; Д. 546. Л. 3; Ф. 7480. Оп. 4. Д. 242. Л. 35, 53, 82, 92; Оп. 5. Д. 256. Л. 64, 86, 90, 107, 163, 165, 178; Д. 257. Л. 42, 108, 112, 149, 203, 206, 251; Д. 258. Л. 261; Д. 258. Л. 144, 145, 146; Д. 274. Л. 64, 65, 66; Д. 295. Л. 65, 66, 67.

колхозников. Для современников, знакомых с функционированием колхозной экономики, не являлось секретом, что своевременный и полный расчет колхозов по финансовым платежам будет означать срыв сельскохозяйственных работ. Типичная ситуация сложилась в конце 1948 г. в Калужской области. По данным Калужского областного финансового отдела, на 1 января 1949 г. 2295 из 3458 колхозов области имели недоимку по подоходному налогу в сумме 7,8 млн руб. Арест счетов 333 колхозов-недоимщиков эффекта не дал. Сдача выручки в банк прекратилась вовсе, из-за чего облфинанотделу пришлось отозвать исполнительные листы и просить обком ВКП(б) «дать указание всем райкомам ВКП(б) о применении мероприятий, которые бы воздействовали на колхозы в скорейшей уплате подоходного налога»⁶. Но руководители на местах часто предпочитали не замечать требований финансовых органов и даже действовали вразрез указаниям из области⁷.

С уклонением от уплаты налогов была связана и другая причина возникновения «черных касс» — потребность своевременно финансировать текущие производственные затраты. На это направлялись средства от продажи продуктов на колхозном рынке, составлявшие основную часть доходов «черных касс». Но у экономически слабых хозяйств, удельный вес которых в областях Центрального Нечерноземья доходил до 50 %, рыночный фонд продовольствия был незначительным, поэтому шел поиск других источников дохода с проведением выручки по «теневой бухгалтерии». Одним из них являлась сдача в аренду земельных угодий.

26 июля 1951 г. в книге протоколов заседаний правления колхоза «Верный путь» Шаховского сельсовета Мосальского района Калужской области была сделана следующая запись: «По первому вопросу слушали [председателя колхоза] тов. Михайлова о постройке базы. Так как уже наступила уборка хлебов, для чего нам необходимо строить кладовую, нужны средства и их у нас нет. Предложение [члена правления] Бубчикова А.С.: давайте продадим сенокоса луга некошеного, пушай скосят, и в сухом виде продать сеном стоимостью 6 рублей за пуд. Постановили: продать сенокосов лугов на корню со своей коской и сухим сеном с веса 6 рублей пуд и продать 40 пудов сена по цене 10 рублей пуд для оплаты счета за лесоматериал». 7 августа того же года правленцы вновь «продавали» колхозные сенокосы для «покрытия нужд в колхозе»⁸.

⁶ Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-3449. Оп. 1. Д. 1387. Л. 190.

⁷ Там же. Д. 1387. Л. 55; Ф. Р-883. Оп. 16. Д. 577. Л. 37. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. Р-6. Оп. 3. Д. 416. Л. 64–65.

⁸ ГАКО. Ф. Р-3445. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об., 11.

В Тульской области в 1950 г. колхоз имени Ленина Заокского района «продал» частным лицам 10,25 га луга за 3 790 руб., колхоз «Идея Ленина» Епифановского района – 25 га за 4 655 руб., колхоз имени Буденного – 100 га за 68 400 руб., колхоз имени Молотова – 73 га за 9 200 руб. и т.д.⁹ Только в одном колхозе «Стахановец» Темкинского района Смоленской области в 1951 г. председатель получил от представителей различных учреждений Московской области 56 тыс. руб. за сданные 420 га колхозных лугов¹⁰. В отчетности эти средства значились как доходы от реализации сена.

Способом пополнения колхозной кассы также являлась сдача в аренду колхозного тягла. В колхозах «Серп» и «Наш колос» Заокского района Тульской области «на заработки» в Москву выделялось по паре лошадей, а в колхозе «Советское поле» в 1946–1948 гг. две лошади сдавались в соседний колхоз. За вспашку на них каждой сотки приусадебного участка в колхоз перечислялось 12 руб. Колхозы близ Тулы в течение ряда лет сдавали лошадей в аренду частникам, на которых те занимались извозом. Колхозу уплачивался определенный процент от доходов. Когда же в 1952 г. договоры «извозчиков» с артелью были расторгнуты прокурором района, частников приняли в члены колхоза, но они продолжали жить в городе и заниматься своим промыслом¹¹. В Угодско-Заводском районе Калужской области председатели колхозов сдавали колхозных лошадей со сбруей и повозками своим же колхозникам на условиях отчисления колхозу 50 % заработанного, в Кировском районе «на прокат» сдавали племенных быков¹². Немалые доходы приносила торговля лесом, бессистемные рубки которого привели к концу 1940-х гг. к повсеместному сокращению колхозных лесных массивов.

Статьи расходования «черной» наличности свидетельствуют, что за счет нее колхозы также компенсировали издержки государственного снабжения, спутниками которого были «ножницы цен» и дефицит. Это обстоятельство подталкивало правления к операциям на колхозном и теневом рынках. Заведующий сельхозотделом Калужского обкома ВКП(б) на пленуме обкома в апреле 1947 г. обращал внимание на дороговизну и низкое качество продукции местной промышленности и промкооперации для колхозов¹³. «Теневая» бухгалтерия, напро-

⁹ Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. Р-2248. Оп. 6. Д. 3562. Л. 9, 9 об., 67.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1031. Л. 272–273.

¹¹ Центр новейшей истории Тульской области (ЦНИТО). Ф. 177. Оп. 14. Д. 58. Л. 41, 42; ГАТО. Ф. Р-3484. Оп. 1. Д. 242. Л. 15.

¹² ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 26. Л. 142, 143.

¹³ Государственный архив документов новейшей истории Калужской области. Ф. П-55. Оп. 8. Д. 317. Л. 53.

тив, давала возможность доставать горючее и запчасти для двигателей и транспорта, удобрения и фураж, продовольствие, сельхозинвентарь, вопреки запретам нанимать со стороны рабочую силу, приобретать фиктивные хлебоприемные квитанции и др. В числе основных статей текущих расходов, преимущественно финансировавшихся таким образом, был найм рабочей силы и приобретение мелкого инвентаря. Колхозы Центрального Нечерноземья затратили на это: в 1945 г. — 343,4 млн руб., в 1946 г. — 291,4 млн, в 1947 г. — 276,4 млн, в 1948 г. — 207,6 млн, в 1950 г. — 199,5 млн, в 1951 г. — 195,4 млн, в 1952 г. — 198,4 млн руб. (7,6–11,2 % денежных доходов за год)¹⁴.

Из «черных касс» финансировалась часть капитальных вложений: строительство и ремонт зданий и сооружений, покупка техники, скота и т.д. Значительные суммы тратились на оплату занятой на строительство наемной рабочей силы. Колхозами Центрального Нечерноземья на эти цели было израсходовано: в 1945 г. — 231,4 млн руб., в 1946 г. — 187,6 млн, в 1947 г. — 134,2 млн, в 1948 г. — 114,6 млн, в 1949 г. — 39,4 млн, в 1950 г. — 33,0 млн, в 1951 г. — 36,7 млн, в 1952 г. — 31,5 млн руб. (1,2–7,3 % денежных доходов)¹⁵. В 1946 г. колхозы Московской области из 192 млн руб. на капиталовложения израсходовали через «черные кассы» 70,5 млн (36,7 %), Орловской области — из 34,5 млн — 16 млн (46,3 %), Рязанской — из 72,7 млн — 34,3 млн (47,1 %), Смоленской — из 46,7 млн — 20,8 млн (44,5 %), Тульской — из 59,1 млн руб. — 26,5 млн руб. (44,8 %)¹⁶. В 1947 г. колхозы областей Центрального Нечерноземья провели через «черные кассы» от 38,7 до 58,9 % средств капиталовложений (466 млн руб., 41,2 % средств на капиталовложения)¹⁷. Такая же ситуация была в 1948 г. в Климовском районе Брянской области. В 1948 г. многие председатели колхозов и даже районные работники открыто заявляли, что «без черной кассы во многих колхозах трудно обойтись и правильно вести хозяйство без нее невозможно»¹⁸.

Другой важной функцией «черных касс» была финансовая поддержка колхозников путем противозаконного, с позиции государства, увеличения размеров внутриколхозного потребления произведенного

¹⁴ Рассчитано: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1377. Л. 5, 9, 11; Д. 1782. Л. 5, 9, 11; Д. 2178. Л. 5, 9; Д. 2578. Л. 10, 16; Д. 3604. Л. 9, 20; Д. 4056. Л. 14, 22; Д. 4636. Л. 14, 20.

¹⁵ Рассчитано: Там же. Д. 1377. Л. 5, 21; Д. 1782. Л. 5, 21; Д. 2178. Л. 5, 11; Д. 2578. Л. 10, 31; Д. 3077. Л. 9, 25; Д. 3604. Л. 14, 38; Д. 4056. Л. 16, 43; Д. 4636. Л. 14, 26.

¹⁶ Рассчитано: Там же. Ф. 7480. Оп. 4. Д. 242. Л. 35, 53, 82, 92, 111.

¹⁷ Рассчитано: Там же. Д. 256. Л. 64, 86, 90, 104, 107, 163, 165, 178; Д. 257. Л. 42, 108, 112, 149, 203, 206, 251; Д. 258. Л. 261.

¹⁸ ГАБО. Ф. Р-2224. Оп. 1. Д. 17. Л. 204.

в общественном хозяйстве за счет понижения темпов роста неделимых фондов. Согласно Уставу сельхозартели, на пополнение неделимых фондов следовало отчислять от 10 до 20 % денежных доходов за год [7, с. 430].

Однако даже при формальном соблюдении этого порядка в колхозах образовывался значительный разрыв между затратами на пополнение основных средств и их приростом, так как часть капиталовложений направлялась через «черные кассы» на текущие производственные нужды колхозов и потребление колхозников. Разница образовывалась, главным образом, за счет списания с баланса значительного поголовья общественного скота. Управляющий областной конторой Сельхозбанка говорил на сессии Калужского областного Совета в июле 1946 г.: «Колхозы нашей области за 1945 год продали скота на 42800 тыс. рублей, обратили же на приобретение основных средств всего 12 млн 390 тыс. рублей, израсходовали, таким образом, свыше 30 млн рублей на прочие нужды. Расходуя огромные средства из пополнения неделимых фондов, установлено, что именно основные средства приобретаются колхозами исключительно плохо. В частности, колхозы должны иметь основных средств по области на 1/1-45 г. 12 5571 тыс. рублей. [Но] на 1/1-46 г. эти основные средства увеличились всего на 27 383 тыс. рублей, тогда как затрат на эти цели произвели на 63 000 тыс. рублей. Казалось бы, и прирост должен быть такой же, но ничего подобного, на 36 000 тыс. рублей основные средства или не учтены или расхищены»¹⁹. В 1946 г. 1504 проверенных колхоза, по подсчетам управляющего, «разбазарили» более 10 млн руб. средств неделимых фондов на «нужды, не связанные с развитием животноводства»²⁰. Сходные выводы делали тульские руководители: колхозы области в 1945–1953 гг. израсходовали на капиталовложения 502,5 млн руб., что обеспечило прирост основных средств на 154,1 млн руб. Разница, таким образом, равнялась 348,4 млн руб. (69,3 % всех затрат на капиталовложения)²¹.

Посредством «черных касс» перераспределялась часть средств неделимого фонда на потребление колхозников, что на языке официальной переписки именовалось «разбазариванием», а в деревне было освящено мирской традицией. Для этого организовывались «общественное питание» по символическим ценам, оплата налогов и индивидуальной подписки на займы, оформление «премий» и «выдач» на спецодежду и обувь, установление явочным порядком гарантирован-

¹⁹ ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 16. Д. 182. Л. 51.

²⁰ Там же. Д. 183. Л. 20.

²¹ Рассчитано: ГАТО. Ф. 3020. Оп. 12. Д. 203. Л. 160 об., 161; Д. 258. Л. 133 об.; Д. 326. Л. 107; Д. 397. Л. 81; Д. 466. Л. 19; Д. 543. Л. 16; Д. 672. Л. 41 об.; Д. 741. Л. 178 об., 180.

ной оплаты труда, противозаконное распределение на трудодни продуктов и денег. Сотрудники представителя Совета по делам колхозов по Калининской области изучили пополнение и использование средств неделимых фондов за 1950 и 1951 гг. Оказалось, что только в 1951 г. при невыполнении плана общественного животноводства колхозы продали на рынках скота и продуктов его убоя на 43,7 млн руб. Вместо отчисления из этой суммы положенных 26,6 млн руб. на капиталовложения было выделено 3,6 млн руб., а остальное распределено на трудодни и направлено на производственные нужды. В 66 из 135 проверенных сельхозартелях были установлены приписки к расходам на капиталовложения в сумме 567,4 тыс. руб. Уличенные счетоводы и председатели признавались, что стремились «уменьшить недовзносы в неделимые фонды и увеличить выдачу денег на трудодни». Так, в колхозе имени Молотова Кашинского района в отчете за 1951 г. к расходам на капиталовложения было приписано 19336 руб. и на эту же сумму сокращены производственные расходы, что позволило выдать на трудодень по 6 руб. 72 коп. В колхозе имени Калинина к расходу на капиталовложения приписали 20690 руб., а статьи прихода на 32272 руб. уменьшили. Получившиеся 52932 руб. «излишка» выдали на трудодни (по 1 руб. на трудодень)²².

«Сверху» подобные попытки реализации крестьянского понимания справедливой оплаты за труд виделось совершенно иначе: «Сотни тонн не оприходовано зерна с тем, чтобы распределить по трудодням <...> Деньги с неделимых фондов проедаются, часть средств расходуются на обеды и др. Продадут корову, а деньги проедают или на веревки тратят», — утверждал секретарь Калужского обкома ВКП(б) 23 июня 1948 г. на совещании работников суда, юстиции и прокуратуры области²³.

Таким образом, экономическое значение «черных касс» состояло в повышении устойчивости колхозной экономики путем уклонения от уплаты денежных налогов, погашения кредитов, понижения издержек денежного обращения и государственной торговли, чем объективно пользовалось и само государство, считавшее их «антигосударственной практикой». С социальной точки зрения «черные кассы» обеспечивали более справедливое, по мнению деревни, распределение произведенного общественным хозяйством продукта в пользу большинства тружеников, что, с одной стороны, замедляло процессы раскрестьянивания, социальной и имущественной дифференциации, а, с другой — способствовало обособлению слоя колхозных управленцев с «неуставными» финансовыми полномочиями.

²² РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1184. Л. 13, 14, 21, 22, 26.

²³ ГАКО. Ф. Р-1626. Оп. 2. Д. 14. Л. 80–81.

Литература

1. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Социальный протест колхозного крестьянства // Отечественная история. 1999. № 3.
2. *Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В.* Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда, 2001.
3. *Гусаков А.Д., Дымшиц И.А.* Денежное обращение и кредит в СССР. М., 1951.
4. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг. Т. 3. М., 1958.
5. *Зима В.Ф.* «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х гг.) // Отечественная история. 1994. № 3.
6. *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.
7. История колхозного права. Сб. законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. В 2 т. Т. 1. М., 1959.
8. *Колганов М.В.* Собственность в социалистическом обществе. М., 1953.
9. Колхозное право. М., 1950.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 8. М., 1985.
11. Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 3: налогово-податное обложение деревни. 1946–1952 гг. / под ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2003.
12. *Попов В.П.* Крестьянские налоги в 40-е годы // Социологические исследования. 1997. № 2.
13. *Попов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953 гг.). М., 1993.
14. Советская жизнь. 1945–1953 / Сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова, А.И. Минюк, Л.А. Роговая. М., 2003.